

Р.Л. Красильников
доктор филологических наук,
профессор кафедры теории, истории культур и этнологии ВоГУ

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: СКЛЯРОВ О.Н. «В ЗАГОВОРЕ ПРОТИВ ПУСТОТЫ И НЕБЫТИЯ»:
НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА. М.: ИЗД-ВО ПСТГУ, 2014. 224 с.**

Книга О. Склярова посвящена, несомненно, актуальной и важной научной проблеме. Автор предлагает свой взгляд на суть неотрадиционализма как феномена, на его место в русской литературе XX в.

Концептуальной основой для монографии является выделение в неклассической художественной парадигме четырех видов творческого мышления. Это творческое мышление, во-первых, «дивергентного типа, претендующее на безграничную свободу самовыражения и эксперимента» (авангардизм, постмодерн), во-вторых, «регламентарно-нормативистской направленности» (соцреализм), в-третьих, «проклассической направленности» (авторы-«знаньевцы», представители «деревенской прозы» и др.) (с. 20–21). Наконец, в-четвертых, О. Скляров констатирует существование «особой устремленности неклассического творческого мышления, усвоившего уроки модернизма, но не пошедшего до конца по пути авангардистского “раскрепощения” и не свернувшего в русло литературного реставрационизма и нормативизма, а проявившего новый, сознательный и свободный интерес к классическим универсалиям и ценностям традиции» (с. 21–22).

Таким образом, автор монографии пытается сузить значение термина «неотрадиционализм». В этом стремлении он опирается, прежде всего, на работы В. Тюпы, но вместе с тем указывает на схожие размышления о постреализме (Н. Лейдермана и М. Липовецкого), неореализме (Е. Замятина и В. Келдыша), метареализме (М. Эпштейна) и др.

Подводя читателя к определению данного феномена, О. Скляров пишет о взаимодействии культурной традиции и индивидуального творчества вообще. Автор монографии описывает изменение отношения к этому вопросу в различные эпохи, в контексте различных художественных парадигм. В результате непримиримой борьбы архаистов и новаторов возникает своеобразная, непродуктивная и, по сути, ложная оппозиция: «либо радикальный творческий “произвол”, раз и навсегда порывающий с любыми формами зависимости от “общих ценностей”, либо пассаизм (культ прошлого), охранительный нормативизм» (с. 38). Вместо этой дилеммы литературовед предлагает искать «средний» путь, позволяющий «сочетать прошлое с будущим, “память с познанием”, свободу творческого почина с верностью освященным традицией универсалиям и святыням» (с. 38).

В то же время О. Скляров подчеркнуто отстраняется от понимания традиции как всего многообразия культурного наследия, передаваемого от поколения к поколению в русле различных цивилизационных по-

токов (так в книге не рассматривается ориенталистская линия). Ориентиром для автора монографии являются эллинско-христианские корни европейской культуры, «фундаментальная идея о непреложной объективности и общезначимости Истины» (с. 49). В этом же параграфе находим и конкретное определение традиции: «воспроизводство смысловой континуальности бытия, осмысленного, смыслоцентричного образа мира как универсума, в основе своей безусловно благого и бытийно оправданного; как такого мира, в котором есть смысл и потому возможны понимание, различение, ценность, оценка, поступок; мира, в котором человеческая жизнь и деятельность имеет безусловное, нерелятивизируемое значение» (с. 43). Поскольку в скобках дается пояснение, что эта дефиниция соответствует «неотрадициональному кредо», то можно представить ее как ключ к пониманию неотрадиционализма в монографии.

В конце первой, теоретической, главы неотрадициональное миропонимание характеризуется в сопоставлении с другими типами творческого мышления. По мнению О. Склярова, оно «в отличие от консервативно ориентированного проклассического сознания не считает для себя возможным (продуктивным) априорное и всецелое отвержение опыта модернизма»; «в отличие от устремленного к полнейшему творческому произволу “дивергентного” (авангардного и поставангардного) сознания не приемлет установок на предельный субъективизм, индивидуализм и “игровую” вседозволенность»; «в отличие от неонормативистского сознания полностью исключает возможность внешне регламентированного ограничения творческой свободы художника и подчинения его требованиям той или иной “единственно правильной” идеологии или эстетической доктрины» (с. 106–107).

Наконец, итоговые размышления о неотрадиционализме содержатся в заключении. Черты этого феномена «разлиты» в тексте, но их можно собрать, во многом благодаря курсиву: «поворот к объективному», «свободное и ответственное приятие всеобщего тезауруса культуры как безусловной реальности» (с. 212), «онтологическая ответственность», «сознание неразделимости свободы и онтологической причастности объективному, сверхличному» (с. 213), «понимание смысла, идеи, ценностного принципа как силы, силового (а не только знакового или семантико-эстетического) явления», понимание высших ценностей как «инспиративного, окрыляющего и радостно-творческого начала» (с. 214), «реабилитация самой идеи общезбытийного Смысла не только как “порядка” <...> но как такого начала, которое заслуживает бла-

говеиного поклонения и не допускает бесцеремонной манипулятивности» (с. 215), «поиски органичного синтеза (но не эклектического соединения!) различных, противоположных начал», «синтез личного и всеобщего, индивидуальной свободы и аксиологической общезначимости» (с. 218) и т.д.

Как видим, утверждение неотрадиционализма как феномена основано на несколько абстрактных признаках, переданных через описания философского характера. Осмысление понятия затрудняется еще и тем, что сам автор монографии подчеркивает «векторную», «проективно-моделирующую» природу объекта изучения (с. 106). Этот факт, безусловно, усложняет труд читателя.

Этот некоторый дисбаланс в книге смягчается аналитической главой, где О. Скляр, как уже говорилось выше, разбирает конкретные литературные тексты в свете изложенных им теоретических идей. Своеобразной «отправной точкой» неотрадиционализма становится творчество Вяч. Иванова, затем в качестве объекта анализа выступают стихотворения О. Мандельштама, В. Ходасевича, А. Ахматовой, И. Бродского и Б. Кенжеева. Нельзя не отметить высокий уровень этих разборов, их тщательность, обилие находок в области смысла и формы. Вместе с тем данные параграфы не так тесно связаны с первой главой, как хотелось бы, зачастую выходят за рамки изложенных ранее теоретических принципов, не соединены друг с другом артикулированными переходами. Поэтому иногда складывается впечатление, что перед нами сборник статей, очерков, а не целостный монографический труд.

По ходу прочтения книги, ознакомления с концепцией О. Скляра возникают и другие замечания и сомнения. Так хотелось бы более четко очертить круг произведений и их авторов, которых следует отнести к неотрадиционализму. «Векторный» характер феномена не служит оправданием для его довольно-таки абстрактного научного обоснования, и требуется более значительное количество примеров для обоснования новой трактовки термина. Несколько однозначным выглядит определение неоклассического типа мышления: ведь оно способно не просто копировать классические формы в русле пассаизма, но перерабатывать их с учетом новейших эстетических тенденций. Так, на наш взгляд, творчество И. Бунина и других «знаевцев», которых О. Скляр отнес к представителям проклассического направления, сочетало в себе традиционные и модернистские черты и может считаться неотрадиционалистским (в соответствии с концепцией монографии).

Вызывает вопросы и определение эллинико-христианской традиции как основы неотрадиционалистского типа мышления. Возможно, произведения отечественных поэтов, анализируемые в практиче-

ской главе, опираются преимущественно на эту парадигму ценностей. Однако литература в XX в. – и русская, и мировая – активно осваивала и другие религиозно-философские системы, прежде всего восточные, также настойчиво говорящие об «онтологической ответственности», «аксиологической общезначимости» и т.д. Это лишний раз подчеркивает стремление новейшей словесности к синтетичности, столь важной для неотрадиционализма.

Поэтому хотелось бы видеть в дальнейших изысканиях по этому вопросу, с одной стороны, большей определенности, а с другой – расширения в область иных культур. Актуальным было бы осмысление и текущего литературного процесса. На наш взгляд, черты неотрадиционализма можно увидеть в творчестве различных современных авторов – от представителей старшего поколения (А. Кушнера, О. Седаковой) до молодых поэтов, например публикующихся в издательстве «Воймега» (Н. Сучковой, А. Черного). В этом свете теория О. Скляра могла бы принести пользу и литературной критике, предоставив инструментарий для концептуальной и стилистической характеристики новых произведений.

Вместе с тем озвученные нами сомнения и замечания не умаляют значения этой монографии для современной науки о литературе. В настоящее время очевидна необходимость сосуществования различных литературных векторов, и неотрадиционалистская тенденция является одним из таких течений, утверждающим себя наравне с другими. Однако литературоведы оказались неготовыми говорить об эстетике Новейшего времени, возможно, по причине того, что отечественная наука недавно пережила «провал» в своем интеллектуальном развитии, который не восполняется в одночасье. Следует признать потребность в обновлении терминологии и методологии, другими словами – в специальных научных трудах, где изучалась бы собственно традиция, соответствующая линия в истории словесности и трансформированные практики обращения к ней, где давались бы определения понятиям, характеризующим данный феномен, и намечались бы перспективы их использования.

Таким трудом, несомненно, является данная монография, цель которой может оказаться даже более масштабной, чем это представляется автору. Ее суть – в напоминании о том, что искусство без традиции невозможно, что радикальное противопоставление старого и нового непродуктивно, что литература рано или поздно возвращается к поиску смысла и ценностных ориентиров. В этом, наверное, заключается еще один важный посыл книги – просветительский: ведь никакая теория не имеет значения без чтения текстов, без коммуникации автора и читателя, в ходе которой срабатывают механизмы культурной памяти, цементирующие нашу цивилизацию.